

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

*Н.А. ГЛЫБОВСКАЯ, старший преподаватель кафедры гражданского и государственного права
Минского института управления*

Статья представляет собой междисциплинарное литературно-правовое исследование правового менталитета, содержание которого составляют наиболее типичные и устойчивые исторически сложившиеся для конкретного народа системы мировоззренческих представлений о юридической действительности. Особое внимание в статье уделяется эмоциональным компонентам правосознания, которые мало подвержены традиционным методам исследования. Своеобразие и уникальность правового менталитета белорусов проявляется в «образах права» белорусской литературы – символических феноменах правовой культуры, отраженных в художественных произведениях. Исследование литературных памятников средневековой культуры и произведений более позднего периода позволяет наблюдать за тем, как эволюционировал правовой менталитет белорусской нации в процессе исторического развития. Автор приходит к выводу, что существенной чертой белорусского правового менталитета является амбивалентность, выражающаяся в сосуществовании правового негативизма и правового скептицизма рядом с традиционным уважением к закону и стремлением к правопорядку на глубинном уровне. Вносятся предложения о направлениях дальнейшего «литературно-правового сотрудничества» для развития гуманистически ориентированной правовой идеологии.

Исследование правовых феноменов требует не только праворационального объяснения, но и интуитивного проникновения в некоторые элементы правовой сферы. Не все элементы правосознания поддаются частно-юридическим или социологическим методам исследования. Отобразить духовную основу права и его национальные корни призвана категория «правовой менталитет». В содержание данного понятия входят не только позитивные, но и образные, символические феномены правовой культуры. Главное отличие правового менталитета от правового сознания заключается в том, что правовая ментальность представляет собой более глубинный слой сознания, отражая помимо осознанного и подсознательный правовой уровень. Под *правовым менталитетом* понимают исторически сложившиеся специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной или национально-этнической общности, системы мировоззренческих представлений, оценочных и реактивных на объекты государственно-правовой действительности [1, с.7].

Так называемые «эмоциональные» компоненты правосознания – настроения, чувства, ощущения – в малой степени подвержены традиционным методам исследования. Здесь может прийти на помощь анализ литературных произведений, рисующих образы правовой действительности, возникающие в непосредственном эмоциональном восприятии, свободные от рамок юридического

позитивизма и отражающие глубинную правовую ментальность.

Традиция обращения к художественной литературе для иллюстрирования научных тезисов и положений правоведения существовала достаточно давно. Исследователи нередко обращались к хрестоматийным примерам, анализируя не только нравственные, но и процессуальные аспекты сюжетных линий (ссылки на романы: «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Воскресенье» Л.Н. Толстого). Учитывая значительный потенциал художественной литературы как материала для исследования правовых явлений, было высказано предположение о целесообразности проведения междисциплинарных литературно-правовых исследований, при этом литературные тексты выступали бы как своеобразное толкование текстов юридических [2]. Обращение к литературным источникам позволяет вовлечь в исследование аспекты, которые до последнего времени игнорировались учеными-правоведами: этнокультурные и конкретно-исторические особенности «правового духа».

В белорусской литературе достаточно эмоциональное отношение к проблемам права и закона можно наблюдать на протяжении всего ее существования. Правовой менталитет белорусов в процессе исторического развития претерпевал значительные изменения. Учитывая периодизацию истории Беларуси, условно можно выделить следующие виды «эпохальных» правовых менталитетов:

* Статья поступила в редакцию 5 сентября 2006 года.

«языческий» (VIII–X вв.); правовой менталитет средневековья (X–XV вв.), который можно разделить на два подвида: «православный», связанный с эпохой Киевской Руси (XI–XIII вв.), и «католический», связанный с образованием Великого Княжества Литовского (XIV–XV вв.); правовой менталитет эпохи Возрождения и Реформации (первая половина XVI в.); правовой менталитет эпохи Речи Посполитой (вторая половина XVI–XVIII вв.); правовой менталитет эпохи Петербургской России (XVIII в. – начало XX в.); «советский» (на протяжении XX в.).

В наследство от предков достались современным белорусам философские, публицистические и художественные произведения, способные послужить богатейшим материалом для исследования правового менталитета, за исключением «языческого» периода, применительно к которому нельзя говорить о наличии литературных памятников. Характеризуя этот этап, можно отметить, что славянская мифология носила в основном аграрный характер. В ней невозможно найти те символические образы правосудия и справедливости, которые сложились у других этносов, известных ранним развитием правовой культуры. Славянские Правда и Кривда близки к символу Доли, то есть некоторой непостижимой, трансцендентной (а не социальной) силе, предопределяющей как аграрно-природные события, так и жизнь человека [3, с.108]. Это положение начинает меняться с того времени, как влияние византийской культуры начинает слабеть, а западноевропейской, напротив, усиливаться. С X века в Древней Руси получают распространение флорилегии – своеобразные учебные пособия, знакомящие читателя с античной и средневековой философией, литературой, этикой и эстетикой. Их составители, стремясь к энциклопедичности, подбирали цитаты и афоризмы по нравственным, политическим и правовым проблемам. Особый интерес, являющийся уникальным материалом для дискуссий и философских раздумий, представляют флорилегии «Пчела», «Мерило праведное» и «Менадр», где доминирующими в содержании являются проблемы права, справедливости и нравственности, а также власти и отношения к ней [4, с.48].

К XII веку относится появление целостного философского произведения-притчи, глубоко осмысляющего с позиции религиозного мировоззрения проблемы нравственности, закона и «отклоняющегося» поведения. Речь идет о «Притче о человеческой душе и теле» («Притча о слепом и хромом») К. Туровского. Она наполнена символами: *хозяин виноградника – это Бог, сотворивший все сущее; виноградник – земля и мир; хромой и слепой сторожа, осмелившиеся слушаться господина и самовольно покусившиеся на урожай – тело и душа человека, далекие от нравственного совершенства; ограда вокруг*

виноградника – закон божий и заповеди [5]. Мораль притчи состоит в том, что только не нарушая закона можно попасть в виноградник через единственные, ведущие в него ворота, то есть достигнуть личного совершенства и общественного благосостояния. Здесь отчетливо проявляется основная идея теологической ветви естественно-правовой концепции – идея о единстве и неразрывности божественного и позитивного права, при признании абсолютного приоритета первого. Само понятие «закон» при таком правопонимании неприменимо к предписаниям, грубо нарушающим естественное право. Регулирование отношений между людьми доброй воли осуществляется на основе «закона природного», то есть на основе взаимного уважения, доверия и справедливости. Писанный закон призван, главным образом, защитить граждан от посягательств злоумышленников.

Естественно-правовые воззрения оказали определяющее влияние на формирование правового менталитета эпохи Возрождения. В этой связи особое звучание принимает «Песня про зубра» М. Гусовского. Глубокий эпос произведения содержит множество критических «стрел» в адрес существовавшего общественного порядка, но вместе с тем отражает неустойчивое и упорное стремление к прогрессу и процветанию. Понятие законности является, по мнению автора, неотъемлемым условием достижения разумного и справедливого общественного устройства. Описывая княжение Витовта, в лице которого предстает образ идеального монарха, М. Гусовский характеризует правителя такими словами: «*Ён справядлінасць любіў, шанаваў яе нормы святыя, Не дазваляў, каб махляр дзесьці абходзіў закон*». Отмечая начавшийся кризис государственного строя ВКЛ, поэт с горечью пишет о поляризации интересов различных социальных групп, стремлении господствующих слоев при помощи государственного аппарата безраздельно доминировать в общественной жизни [6, с.76–77].

Характерно, что в проникновенной молитве-обращении к Деве Марии, которой завершается «Песня о зубре», автор просит заступницу покарать правителей, повинных в преступных междоусобных войнах не иначе как «*няўмольнаю ўладай закону*». Так, в мировоззрении М. Гусовского отражается религиозная модификация естественно-правовых воззрений, при которой христианская неизбежность наказания за грех совпадает с принципом неотвратимости юридической ответственности. Заключительный призыв, обращенный к будущим государственным деятелям «*са шчырай адданасцю справе... весці каравеллу дзяржавы і праз хаос, і праз штормы жахлівага часу*», и сегодня может служить духовным напутствием каждому, кто возлагает на себя нелегкое бремя власти.

Эпоха Возрождения демонстрирует проявление такой яркой черты белорусского национального менталитета, как амбивалентность, то есть сосуществование взаимоисключающих эмоциональных установок, в том числе и правовых. Как справедливо отмечал И. Абдиратович, «Ваганьне паміж Захадам і Усходам і шчырая непрыхільнасць ні да аднаго, ні да другога з'яўляецца асноўнаю адзнакаю гісторыі беларускага народу» [7, с.9].

Реформация, повлекшая увеличение религиозных конфликтов, и наступившая вслед за ней контрреформация способствовали росту амбивалентности. Вхождение ВКЛ в состав Речи Посполитой лишь усилило эту тенденцию. Патриархальный идеал жизни входил в противоречие с идеалом «шляхетно-республиканского» строя. Сам образ права перестает восприниматься позитивно. Ко времени наступления эпохи Просвещения понятие «закон» в его ментальном восприятии утрачивает былую неразрывную связь с божественным установлением и перестает быть синонимом справедливости, постепенно превращаясь в орудие насаждения зла, инструмент причинения обид и страданий.

После раздела Речи Посполитой начинают происходить существенные изменения в национальном правовом менталитете по мере его неизбежного сближения с русским менталитетом. К сожалению, изменения эти выражаются в росте правового нигилизма и появлении в философско-правовой мысли той тенденции, которую можно определить как «дефицит правопонимания», характеризующийся огромным разрывом между моралью и правом, когда закон нередко представлен антиподом нравственности. Не будем подробно останавливаться на многократно проанализированных исторических причинах и своеобразной оправданности российского правового нигилизма, который в некоторой степени «позволял осуществлять фактическое регулирование общественных отношений, в определенной мере компенсируя несогласованность должностования в сфере писаного права с должностованием традиционных норм... и обеспечивал выживание основной части общества» [8, с.217].

Произведения Я. Коласа, Я. Купалы и Ф. Богушевича раскрывают перед нами отношение к действующему праву со стороны крестьян – носителей того самого обыденного правосознания, в основе которого, по мнению авторов, и лежит правовой менталитет. Земельные и судебные реформы российского правительства не внесли существенного облегчения в жизнь данного социального слоя. Глубоким скептицизмом пронизаны литературные произведения, рассказывающие о «встрече с правом».

Авторы анонимного художественного произведения «Размова валуйскіх двух мужыкоў» описывают трагикомедию выборов в суд. Фактически избирателями были только шляхтичи. Пьяные,

они голосовали за кандидата, назначенного начальством. Присяга судей решать дела согласно закону и независимо от имущественного положения сторон оборачивалась пустым звуком. От судей не требовалось особенных деловых качеств, рассудительности, знания законов, навыков решать запутанные гражданские и уголовные дела, а требовалось умение угодить начальству [9].

Видеть пороки послереформенной судебной власти глазами белорусского крестьянина позволяет знакомство с творчеством Ф. Богушевича. Его стихотворения «Як праўды шукаюць», «У судзе», «У астрозе», поэмы «Кепска будзе!» и «Быў у чысцы», рассказ «Сведка» и ряд других не были плодами вымысла, а явились результатом профессиональных наблюдений в ходе повседневной юридической практики (Ф. Богушевич имел юридическое образование и опыт работы судебного следователя и присяжного поверенного в судебной палате).

Персонаж стихотворения «У судзе» Пантурка занимался самопокурением для собственных нужд. По доносу акцизника он был отдан под суд. Устами крестьянина, наблюдающего за процессом, автор высмеивает его участников – и звероподобного прокурора-самодура, и хитрого адвоката, сознательно запутывающего простое дело [10, с.29].

Герой другого стихотворения «У астрозе» попал туда за то, что, вспахивая поле, случайно вывернул и после сжег полусгнивший оградительный знак, а вслед за этим «оказал сопротивление царской власти» в лице урядника. Для расследования дела прибывает высокопоставленный чиновник, признавший крестьянина «зачинщиком бунта», подлежащим немедленному водворению в острог.

Провозглашенное формальное равенство перед законом не в состоянии было прикрыть собой пропасть, отделяющую крестьянина от полицейского чиновника. В то время как действующие законы наделяли значительными полномочиями любого чиновника, таким образом, что уже «ён – то не ён, а то ёсць артыкулы, раздзелы, стацці і ўсе зводы закона!», то эти же самые законы сковывают крестьян по рукам и ногам, помогая чиновникам грабить и развращаться. Между законами государства и традиционной народной моралью такая бездна, как между днем и ночью.

В традиционной крестьянской морали заключен здравый смысл, справедливость и нравственность, в правовых предписаниях – произвол и мракобесие.

Скептическую оценку получают в оценке персонажей Ф. Богушевича итоги судебной и земельной реформы. Деятельность многочисленных учреждений, призванная способствовать либерализации общества и укрепить в нем юридические начала и режим законности, с точки

зрения крестьянина, обернулись лишь распадом устоявшихся традиционных механизмов социального регулирования и обременительными поборами. «Цяпер ці не болей стала паноў?! Не надта свабодна ў гэтай свабодзе...» – подводит неутешительный итог герой Ф. Богушевича.

Горько-ироничное отношение к реформам, а вместе с тем и правовой скепсис часто встречается и в произведениях Я. Коласа. В его творческом наследии есть стихотворение «У судзе», красноречиво свидетельствующее о беспомощности и никчемности юридически закрепленных прав в восприятии простого крестьянина. Герой стихотворения Янка Дуда приговорен за кражу жита в поле к году тюрьмы. Член окружного суда объявляет осужденному о дополнительной мере взыскания в виде лишения гражданских прав [11].

Было бы ошибочно считать, что правовой нигилизм является исключительно результатом невежества, косности и забитости. Жестокость и произвол чиновников, действующих под прикрытием «артикулов, разделов, статей и всех сводов законов», неоправданное вмешательство в частную жизнь под видом охраны правопорядка, вызывают негативное отношение прежде всего к самим этим чиновникам, которое несколько бессознательно переносится и на само понятие права. Если в духовном мире средневекового литвина понятия «закон» и «Бог» находятся близко друг от друга, то для подданного Российской империи из Северо-Западного края понятие закона ассоциируется скорее с полицейским приставам. А нравственные качества последнего чаще всего не могут способствовать поднятию авторитета права в глазах простого обывателя.

Таким образом, на литературных примерах можно наблюдать некоторые тенденции изменения национального правосознания, его постепенный отрыв от западно-европейского руслу и сближение с русским правовым менталитетом. Однако так ли необратима эта эволюция?

Хотелось бы обратить внимание на одну черту в произведениях тех белорусских литераторов, которых, на первый взгляд, следовало бы причислить к «правовым нигилистам» за присущие им радикализм воззрений и беспощадную критику юридической системы. Их литературные герои

довольно часто сталкиваются в повседневной жизни с юридическим процессом. Даже когда они оказываются, например, в суде помимо своей воли, они и тогда не теряются, демонстрируют достаточно активную жизненную позицию, волевым усилием всеми силами отстаивать свои права. Вспомним, что русский некрасовский крестьянин, образно говоря, так и не попал дальше «подъезда судов и палат».

Читая отечественную литературу, складывается впечатление, что у белорусского крестьянина «суды и палаты» – важная часть социумной жизни, хотя пребывание в их стенах обычно приносит ему разочарование и вызывает скепсис. Но не оттого ли реалии юридической практики так возмущают и вместе с тем занимают героя, что уж слишком входят они в противоречие с более глубокими ментальными представлениями *о должном*? Ведь жителям Беларуси издавна известна традиция уважения к закону, модели выборности должностных лиц, сильного и эффективного самоуправления. В связи с этим позволим высказать предположение, что в белорусской литературе конца XIX – начала XX века содержится так много беспощадной критики судебной и административной системы, что на глубинном подсознательном уровне понятие юстиции продолжало ассоциироваться со справедливостью, а поправление морали в стенах юридических учреждений представлялось преступлением и кощунством.

Сегодня граждане Беларуси пользуются возможностью национального самоопределения. Но при этом важнейшей остается задача повышения уровня правосознания. Здесь нельзя обойтись без формирования крепкой правовой идеологии. Однако идеология, предложенная «сверху», неизбежно столкнется с консервативностью и сопротивлением правового менталитета. Изменение правового сознания – процесс длительный, нуждающийся в активизации не только юридических, но и неправых средств и методов. На помощь здесь может прийти и художественная литература, имеющая значительный потенциал в возможности не только отражать, но и формировать правовой менталитет. Необходимо создать условия для эффективного «литературно-правового» сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меньяло, Д.В. Правовой менталитет: Дис. ...к.ю.н. / Д.В. Меньяло. М.: РГБ, 2003.
2. Нейстат, А.А. Формирование правосознания и художественная литература в Советской России 1917–1929 гг. Уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект. Автореф. дис... к.ю.н. / А.А. Нейстат. М.: Московская государственная юридическая академия, 2000.
3. Семитко, А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки / А.П. Семитко // Государство и право. 1992. №10. С. 108–113.

4. Кандричина, Т.К., Кандричин, Н.А. Роль традиций в процессе формирования правовой культуры / Т.К. Кандричина, Н.А. Кандричина // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества: материалы круглого стола, Минск, 3 февраля 2005 г. Мн.: МИТСО, 2005. С. 46–51.
5. Тураўскі, К. Притча о человеческой душе и о теле // Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. Скл. А.Ф. Коршунаў. Мн.: Дзярж. вучэб.-педаг. выдав. Міністэрства асветы БССР, 1959. С. 37–45.
6. Гусоўскі, М. Песня пра зубра. Паэма / М. Гусоўскі. Мн.: Маст. літ., 1981.
7. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам / І. Абдзіраловіч. Мн.: Навука і тэхніка, 1993.
8. Трахименко, С.А. Традиционное общество и правовое регулирование / С.А. Трахименко // VII Международная научно-практическая конференция «Управление в социальных и экономических системах». Доклады и сообщения. Т. 1. С. 213–218.
9. Лушчыцкі, І.Н. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі у Беларусі у другой палове XIX веку / І.Н. Лушчыцкі. Мн.: Выд. Белдзяржуніверсітэта, 1958.
10. Багушэвіч, Ф. Творы / Ф. Багушэвіч. Мн.: Беларусь, 1967.
11. Колас, Я. Собрание сочинений / Я. Колас. Мн., 1961.

SUMMARY

The article represents interdisciplinary literary-legal research of legal mentality, which content makes the most typical and steady historically developed for specific people system of world outlook representations about legal actuality. The special attention in this article is given to emotional components of consciousness of justice, which are poorly subjected to traditional methods of research. The peculiarity and uniqueness of legal mentality of Belarussians is shown in «images of law» of Belarussian literature – symbolical phenomena of legal culture, reflected in works of art. Heightened interest to problems of a role of law in a life was inherent to Belarussian literature always. Research of literary monuments of medieval culture and products of later period allows to observe how has evolved legal mentality of Belarus nation in process of its historical development. Examining literary texts from the positions of philosophy-legal foreshortening, the author concludes, that essential feature of Belarussian legal mentality is ambivalence, expressing in coexistence of legal negativism and legal skepticism along with traditional respect to the law and aspiration to the law and order at a deep level. The proposal is put forward about directions of further «literary – legal cooperation» for development of humanistic focused legal ideology.